РАЗЛОМ

ЭЛЬ ФИНИСТ

18+

Эль Финист

Разлом

«Автор»
2026

Финист Э.

Разлом / Э. Финист — «Автор», 2026

На стыке Москвы и области, ровно посередине старого пограничного моста, находят тело женщины. Верхняя половина лежит в столице, нижняя — в Подмосковье. Это не просто убийство, а тектонический разлом между глянцем Сити и беспросветностью окраин. Неизвестный палач по прозвищу Конструктор превращает мегаполис в сцену жестокого реалити-шоу. Каждая его казнь — выверенный перформанс, вскрывающий главные нарывы общества: коррупцию, экологические катастрофы, бесправие мигрантов и продажность массмедиа. По пятам убийцы идут следователь Эдуард Вершинин — безупречный аналитик с холодным умом — и дерзкая журналистка Полина Смирнова. Но чем глубже они погружаются в расследование, тем сильнее стирается грань между законом и хаосом. Кто такой Конструктор? Можно ли переиграть систему, не став её частью? И где пролегает черта между палачом и наблюдателями? Жёсткий интеллектуальный нуар-триллер о том, кто на самом деле дёргает за ниточки толпы и какую цену придётся заплатить за выход из этой игры.

© Финист Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 21
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Разлом

Все имена, события и организации вымышлены. Совпадения случайны. Это художественное произведение — не приговор и не инструкция. Отражения. Что в них увидит каждый — его выбор.

Глава 1

География смерти

05:30. Из утреннего эфира радио «Москва-Инфо»:

«…в Московском регионе объявлен оранжевый уровень опасности из-за аномально плотного тумана. Видимость на трассах южного направления — до десяти метров. Температура воздуха к шести утра опустится до нуля. Ветер восточный, слабый. В Наро-Фоминском районе завершён первый этап заливки фундамента мега-ЖК «Новая Нара-Лайф» от девелопера «Монолит-Сити». Проект включает тридцать многоэтажных корпусов. Сдача первой очереди запланирована на…»

Водитель такси выключил звук, прочистив горло от мокроты, набравшейся за утро. Последствия затяжного ковида. Сырость без стеснения заползла под куртку и в лёгкие. Непривычная тишина окутала пространство. В салоне стало слышно, как дворники скребут по стеклу.

Пробки уже начали образовываться на пути в центр. Ранняя весна в Новой Москве всегда наступала неохотно: три месяца назад, в разгар январских морозов, коченели даже вечно дымящие на обочинах фуры, а сейчас, в марте, подтаявший лед превратился в грязную кашу. Несмотря на построенные новые станции метро и развязки, количество людей не убывало, а только прибавлялось с каждым годом.

Дома — жена и дочки, которых она повезет в школу, специально выбранную в соседнем районе. Всё, чтобы избавиться от навязчивого окружения из Махмутов и Кужанбеков в классе.

«Чёртовы гетто», — с привычным раздражением ругнулся он про себя. Достало всё. Мигранты, заполонившие район. Администрация, наживающаяся на их бесправии. Государство, которое умеет только закручивать гайки и душить налогами.

Крутишься до последнего, чтобы обеспечить нормальное окружение. Ипотечная клетка в Новой Москве — вместо облегчения. Первоначальный взнос еле наскребли от подработок и займов у родственников, только чтобы оставаться в Москве. В итоге район заполонили жители из Средней Азии. Инфраструктуры — не хватает. И радоваться уже нечему, даже с пропиской. Выходные — подмосковный парк и ТРЦ. Всё, что доступно. Жена жаловалась: глушь, беспросветная тяжесть, и никуда не деться от кабалы на тридцать лет, пробок и общего ощущения тупика.

«Ничего, всё это прекратится, очень скоро. Подчистим с командой», — зло подумал он, периодически оглядываясь на водителей по сторонам. Где-то справа взвизгнули тормоза, и в стекло плеснула грязная вода из лужи.

На панели между дефлекторами тускло светились два телефона. На одном был его личный профиль, на втором — купленный за трёху в телеграм-чате чужой аккаунт-пустышка, на который ещё не наложили ограничения по заказам. Таксометр в последние полчаса упорно горел фиолетовым, выжимая из тарифа «Эконом» максимальный повышающий коэффициент из-за тумана. Система требовала своё, но он давно научился двигаться мимо ее радаров. Главное — поймать жирный заказ, аккуратно шепнуть пассажиру: «Слушай, давай отменяй в приложении, скину пятьсот рублей, переведёшь на карту напрямую», — и увести поездку

«в чёрную», срезав грабительскую комиссию агрегатора. Обмануть алгоритм, выкрутить свой копеечный процент из этой цифровой машины — это был его ежедневный мелкий саботаж.

Он услышал писк сообщения от службы Яндекс Такси: новый заказ, кто-то спешит во Внуково. Надо брать, пока не перехватил более расторопный водитель. Так, туда-обратно, он сделает необходимый минимум за эти пару часов на путешественниках, спешащих на рейс. Всё лучше, чем переться в Москву в самое пробочное время.

Мимо пронеслись несколько чёрных машин с мигалками, выхватив его из забытья и уныния. Сирену они не включили — только синие всполохи по туману, и шины с шипением резали мокрый асфальт. Он проводил их тяжелым взглядом и тронулся с места. Ещё один день возможности заработать и продолжить держаться на движке кофеина до выходных...

05:42. Пентхаус в ЖК «Квартал на Кутузовском».

В двухуровневой квартире на сорок втором этаже бесшумно разъехались тяжелые шторы блэкаут, открывая вид на проспект, утопающий в густом, подсвеченном неоном тумане. Где-то в глубине квартиры тихо гудела кофемашина — единственный звук в этом стеклянном покое. Артур Жаров, президент холдинга «Монолит-Сити», только что вышел из персонального хаммама. Как в глянцевой рекламе, он проплывал в облаке аромата терпкого мускусного мыла со шлейфом полированной кожи. Система умного дома по расписанию уже варила для него порцию эспрессо из зерен редкой эфиопской селекции. Эксклюзив по нынешним временам.

Через два часа у Артура была запланирована встреча в Сити с инвесторами для закрытия сделки по строительству новых пригородных кварталов, но сейчас его внимание занимал планшет. На экране мигал график доходности акций, ползущий вверх.

На столе распечатка презентации, подготовленная помощником. Внутри аргументы, приправленные роскошными обещаниями и цифрами, которые он давно прокрутил несколько раз в голове. Растущий рынок, сверхдоходности, возможность сократить затраты, несмотря на повышение закупочных цен. А ещё удачные связи жены, вовремя находившей лазейки в системе ужесточения строительства и банковского кредитования. Постоянная игра в поддавки с правительством, кто кого…

Артур не знал, что три месяца назад на его объектах в Подмосковье заживо сгорели одиннадцать нелегальных рабочих-бетонщиков. Он не знал их имен. Для него все эти люди были лишь обезличенным расходным ресурсом в графе «издержки на логистику». На высоте ста пятидесяти метров чужая боль просто не существовала — здесь имели значение только комфорт и размер ставки.

05:45. Ответвление от Калужского шоссе в сторону Наро-Фоминска. Старый, щербатый бетонный мост через Нару — на границе Новой Москвы и области.

Туман здесь не стелется, он будто застыл глухой, маслянистой стеной. Виной тому специфический парниковый мешок. Шоссе в этом месте сужалось, и мост казался серым, обглоданным сыростью выступом. Воздух тяжелый, пропитанный сероводородом от недалеких подмосковных полигонов и едкой гарью от нелегальных мусорных свалок. В пустоте натужно похрипывает рация патрульной машины. Свет мигалок ложится на туман — синий, рваный, как в кино. И от этого мост кажется декорацией. Снизу, из-под пролетов, несет ледяным, застойным дыханием мартовской воды. Где-то в темноте вода чавкает о бетон — медленно, как будто дышит. Мегаполис с его глянцевыми, стерильными небоскребами Сити сейчас всего в часе езды к северу, он ещё спит. Но здесь, на стыке двух административных реальностей, глянца нет. Здесь — мокрый асфальт, ледяная чёрная вода и оголенная статистика криминальных сводок.

Из сводки оперативного дежурного по округу:

«В 05:02 в дежурную часть ОМВД поступил звонок от гражданина Колесникова В. А., рыбака, по его словам, собиравшего снасти после утреннего улова. В районе технологического стыка дорожного полотна моста через р. Нара обнаружен труп женщины со следами насильственной смерти. Оперативная группа Савельева заблокирована на строгом карантине из-за

вспышки вирусной лихорадки в отделе. На место направлен старший оперуполномоченный уголовного розыска капитан Эдуард Вершинин. Данные личности убитой устанавливаются…»

Я приехал первым из своей команды. Наряд уже стоял, лента висела вокруг. У парапета уже топтался кто-то из области.

Служебный седан ещё остывал на обочине, со скрежетом и щелчками отдавая тепло перегретого коллектора. Пахло мокрым бетоном, мазутом и чем-то сладковатым — то ли от воды, то ли от свалки за поворотом.

Все эти вирусные истерии уже порядком надоели. Запирают людей дома, намеренно нагоняют панику. Да ещё эти проверки в отделе — одна за другой. Наверху скандалы, большие шишки летят с постов, а крайними остаёмся мы. Систему перетряхивает каждую весну — кто-то не выдерживает, выходит в окно. Жернова крутятся — слепо, не разбирая, чьи кости перемалывать.

Терпеть не могу этот предрассветный час.

Время, когда наружу лезет всё, что город днём усердно прячет за чистыми фасадами. Моя ладонь машинально проверяет воротник рубашки — жёсткий, свежий, застегнутый на верхнюю пуговицу. Привычка с детства прятаться и закрываться. Элемент внутренней дисциплины в профессии, где хаос пытается пробить твою защиту каждую секунду. Крупные, сбитые в драках пальцы привычно пробегают по пуговицам. В салонном зеркале мелькнуло собственное отражение: пятнадцать лет в убойном превратили лицо в такую же серую, монолитную коробку, как и этот мост — тяжелый квадратный подбородок, резкие скулы и белая нитка старого шрама над левой бровью. Взглянул на ручной тормоз — легкий налет дорожной пыли. Нарушение порядка. Внутри уже щелкнул привычный переключатель, отсекая всё лишнее. Холодный расчет, работающий без сбоев. Кадр за кадром. Факт за фактом. Никаких эмоций — только наблюдение и фиксация. Надел перчатки.

Сообщение от команды из экспертизы: «Утречко. Будем через 10 минут. Застряли на переезде».

Как обычно, всё безрадостно, но может хоть попросить захватить кофе на ближайшей заправке.

— Жду, труп не убежит. Захватите стакан чёрного для меня, плиз.

На телефон пришло СМС-оповещение об угрозе беспилотной опасности в округе. В относительной доступности аэропорт и складские помещения. Сейчас закроют небо и опять начнутся отмены рейсов. Только этого ещё не хватало, подумал я. Но угроза угрозой, а убийство по расписанию и работа тоже.

Через какое-то время хлопнули двери подъехавшего микроавтобуса. Из тумана, чертыхаясь и гремя пластиковыми чемоданами, вышла команда криминалистов. Кто-то волок чемодан по асфальту — колёсики тарахтели, как несмазанная тележка. Впереди, на ходу пряча в карман телефон, шагал Миша — наш эксперт-стажёр. Высокий, с правильным, чуть холодным лицом, аккуратно причесанный, в чёрной куртке, плотно облегающей его худую угловатую фигуру.

— Здорово, Эдуард Андреевич, — Миша протянул руку, передавая стакан и зябко поежился. — Кофе на заправке успел взять, как ты и просил. Мы на переезде пятнадцать минут потеряли, думал, пальцы на руле отвалятся.

— Работаем, Миша. За кофе спасибо, — я кивнул на желтую ленту оцепления, убого провисающую между прибрежными ивами и покрытую каплями ледяного конденсата. Стакан я поставил на капот — ровно, по линии дворника. Пятен не выношу.

На мокром асфальте отчетливо чернели свежие, ещё не размытые туманом следы протектора тяжелого грузовика. Спаренные шины. Строительный самосвал, не меньше. Убийца, если это его аппарат, явно не думал скрываться. Специально всё делал напоказ, думая о географии и произведенном эффекте.

Под покровом тумана, прямо на стыке плит, лежало то, что заставило всю экспертную группу мгновенно замолчать. Будничные разговоры оборвались на полуслове. Между оперативниками повисли напряжение и тревога — мизансцена явно не предполагала рядового, привычного для этой местности расследования. Тяжёлая пауза, полная шока и лихорадочных мыслей. Каждый — о своём.

Фрагмент протокола осмотра места происшествия:

«Труп женщины, опознанной как Жарова Елена Андреевна, 34 года, вице-президент строительного холдинга «Монолит-Сити», расположен на проезжей части моста поперек технологического стыка плит (линии административной границы между г. Москвой и Наро-Фоминским городским округом Московской области). Верхняя часть туловища находится на территории г. Москвы, нижняя — на территории Московской области. Труп лежит на спине, руки раскинуты в стороны под углом сорок пять градусов к корпусу. На лице погибшей зафиксирован посторонний предмет…»

Из приложения к протоколу осмотра места происшествия (опись изъятых объектов):

«В ходе осмотра дорожного полотна и деформационного шва моста через р. Нара, на расстоянии 1,5 метра от теменной области головы трупа Жаровой Е. А., обнаружен и изъят металлический строительный болт с шестигранной головкой со следами мазута и вещества бурого цвета, похожего на кровь. Объект упакован экспертом-криминалистом в индивидуальный сейф-пакет № 0412. Замечания со стороны областной следственной группы отсутствуют…»

Это была не просто картина убийства в состоянии аффекта, а тщательно выверенная театральная постановка.

От неё пахло чем-то резким — тяжёлые духи, смешанные с химией, — и под ними едва угадывалось что-то сладковатое и тошнотворное. Лицо женщины полностью скрывала дешевая, уродливая пластиковая маска злой ведьмы из магазина праздничных товаров — сквозь узкие прорези криво проглядывали застывшие, остекленевшие глаза. Зеленая сморщенная кожа, крючковатый нос и карикатурная злобная ухмылка. Убийца явно хотел этим гротескно противопоставить холёный образ убитой — символ высокой должности и статуса.

Но главный ужас скрывался под одеждой. Брендовый шерстяной жакет был распахнут и залит кровью. Труп подвергся показательному, жестокому расчленению, но палач умышленно не разделил тело на две части полностью. Её полоснули тяжёлым строительным резаком ровно по линии пояса — глубокий, зияющий разрез до самого позвоночника буквально раскрывал корпус надвое, обнажая брюшную полость и окрашивая технологический стык моста в багрово-чёрный цвет. Внутренности зловещей лентой тянулись по шву дорожных плит, замерзая на ледяной линии между регионами. Где-то рядом каркнула ворона — резко, коротко.

Сквозь грязь и копоть дороги можно было ещё рассмотреть следы безупречного маникюра и швейцарские часы на левом запястье. Но дорогие джинсы были изодраны в лохмотья, а обуви не было вообще. Нижняя половина тела, залитая кровью и грязью, с голой синеватой лодыжкой, лежала на подмосковной стороне моста. Туда, в сторону растущих бетонных муравейников и бытовок, указывала её мёртвая плоть. Её не грабили. Золотые кольца на месте. Её выставили напоказ, лишая покровов и парадного глянца. Рядом сиротливо торчала сумка.

Я опустился ниже, рассматривая разорванный ворот шерстяного жакета. На груди, уходя под ведьминскую маску, лежала массивная цепочка-чокер из темной оружейной стали — на таких в дорогих бизнес-центрах носят ВИП-пропуска со штрих-кодами для прохода через турникеты. Стальная петля была намертво, до упора закручена вокруг горла, глубоко вдавливаясь в бледную кожу и синеющие края гематом. Самого пластикового пропуска на цепочке не было.

...Миша опустился на корточках рядом со мной, осторожно фиксируя маркеры трупного окоченения. Его пальцы в латексе заметно дрожали.

— Слушай, — Миша выпрямился на секунду, нервно потирая переносицу, отчего на лоб полезла влажная прядь. — Это же... это вообще какой-то бред. Помнишь, сериал был скандинавский, шведский, что ли? «Мост». Там в первом сезоне женщину точно так же на границе двух стран разрезали и по шву разложили. Да весь мир этот сериал смотрел.

— Меньше телевизор смотри, Миша, — оборвал я, даже не повернув головы. — Маньяки-эстеты из Европы в Наро-Фоминский район не ездят. Наш убийца шведские сериалы, может, и смотрел, но резак в руки взял по другой причине. Фиксируй рану на виске.

— Да я понимаю, это я на компьютере с девушкой сезоны глотал во время зимних вечеров… — пробормотал, оправдываясь, стажёр, снова утыкаясь в брезент. — Просто... жутко это. Словно кино ожило. Только кровища наша, родная, подмосковная, сюр какой-то.

— Кино — это когда камера, — сказал я, не оборачиваясь. — А тут висок. Давай дальше.

— Жёстко её приложили, — тихо, сквозь зубы продолжал стажёр, осматривая висок женщины. — Смотри, на левой стороне глубокий вдавленный перелом. Кожа лопнула, края рваные. Похоже, сначала оглушили прямо на мосту чем-то тяжелым и граненым. Строительный лом или кусок швеллера. Судя по объему затекшей крови — удар был прижизненный. Она сразу потеряла сознание.

— А смерть? — спросил я, не отводя взгляда от ведьминской маски.

— А умерла она не от этого, — Миша аккуратно приподнял край пластика, обнажая шею. На бледной коже четко проступали две параллельные синюшные полосы. — Давили ремнём или проводом — прижизненно. Сначала оглушили, потом добили ремнём. В гортани — явно речная вода с илом и песком. Гипотеза такая: её оглушили, придушили прямо здесь, у парапета, а потом сбросили вниз, в ледяную воду Нары, думая, что она уже готова. Но она была жива. Она пришла в себя на дне, захлебнулась, а уже потом, мертвую, её вытащили обратно на настил моста, чтобы устроить этот мясной перформанс с резаком. Время — часа три назад, точнее скажут на секционном столе. Маска надета посмертно — на коже нет прижизненных вдавлений, только бледные следы от краёв пластика.

Я смотрел на неё и не понимал одного. Зачем так сложно? Оглушить, придушить, сбросить, вытащить, разрезать, надеть маску — и всё это на мосту, в тумане, за три часа до рассвета. Если он хотел убить — хватило бы одного удара. Если хотел напугать — хватило бы трупа без всего этого карнавала. Но он делал всё по порядку, как по сценарию. И это значило, что у него был план — и время его исполнить.

Я посмотрел на Мишу.

Три часа. Один человек. На мосту, который просматривается с двух сторон. Либо он был уверен, что его не увидят, либо ему было плевать.

Где-то на трассе прошумел грузовик — глухо, издалека, — и снова стало тихо. Я взглянул на женщину. Средних лет, ухоженная, по крайней мере была. Снова содрогнулся.

— Миша, — сказал я, не оборачиваясь от её лица. — Камеры. Что по камерам?

— На стыке — ни одной, — Миша уже листал планшет. — Тут их никогда не ставили. Ближайшие — на опорах Калужского, в трёхстах метрах к северу и в километре к югу. Это ЦОДД и областной ЦБДД.

— Значит, запросы в оба. Нужны все проезды с двух до пяти утра. И на въезде в Москву, и на выезде в область.

— Сделаю. — Он помолчал. — Только в туман номера могут не читаться.

— Пусть дают всё, что есть. Даже силуэты.

Я подумал, что самосвал выбран не случайно. Стройки по этому направлению растут быстрее, чем успевают оформить документы. Техника идёт сплошным потоком — и самосвал в нём не привлекает внимания.

— Паспорт в сумке, — Миша вытащил из внутреннего кармана сумки корочку, раскрыл. — Жарова Елена Андреевна. Тридцать четыре года. Прописана на Пресненской набережной. Это же та самая Жарова из «Монолит-Сити»?

Я кивнул. Имя было из тех, что звучат в новостях чаще, чем хотелось бы.

– Это не просто убийство. Это медиа-взрыв, — резкий, чистый голос заставил меня вздрогнуть и выпрямиться.

Она появилась из тумана бесшумно, как ищейка, почуявшая кровь. Полина Смирнова, независимый журналист, автор телеграм-канала «Изнанка 2.0».

Ей было около тридцати. Столичного шарма в её облике не было ни грамма. От неё пахло сигаретами — резко и неуютно. Высокая, угловатая, с широкими мужскими плечами и строгим, упрямым разворотом тяжелого подбородка. Смуглая, почти оливковая кожа лица дико контрастировала со светлыми, наспех собранными в небрежный пучок волосами, из которого на лоб выбивались влажные от конденсата пряди. Тонкий, хищный нос с едва заметной горбинкой и губы, сжатые в прямую бледную линию. Но главным на этом лице были глаза — темные, раскосые, посаженные глубоко под жёсткими надбровными дугами. В этих глазах не было женского испуга или брезгливости перед картиной на асфальте — только чистый, концентрированный, почти пугающий адреналин человека, загнавшего дичь.

На ней был тёмный плащ из тяжелой непромокаемой ткани, плотно застегнутый на все пуговицы, словно она панически боялась, что без этой жёсткой оболочки её внутренняя структура рассыплется на части. На ремне плаща — массивный армейский фонарь в потертом пластиковом корпусе.

Телефон в её руке смотрел в меня чёрным глазком камеры.

— Кто вас пустил? Убрать, — сказал я тихо. Миша дёрнулся, но не сдвинулся с места. За спиной кто-то из оперативников выругался шёпотом.

— Никто меня не пускал, — Полина не опустила телефон и не шагнула назад. — Я не спрашивала.

— Это место происшествия. Съёмка запрещена.

— А это эфир, — она пожала плечом. — И он уже идёт.

Я посмотрел на экран. Прямой эфир. Онлайн — две тысячи. И растёт.

— Как вы сюда попали? — я шагнул к ней вплотную, так, чтобы камера видела только моё плечо.

— Мне пришло сообщение, — она не отвела взгляда. — С точкой на карте. GPS. Я проверила — это мост. Приехала. А тут уже вы.

Я нахмурился. Кто-то прислал ей точку раньше, чем мы получили вызов. Или почти одновременно. Кто? И почему ей?

— От кого сообщение? — спросил я.

— От того, кто это сделал, — она кивнула на мост.

Я посмотрел на труп. На маску. На разрезанную пополам фигуру. И снова на неё.

— Имя есть?

— Он себя называет Конструктором, — Полина чуть склонила голову набок. — И он прислал не только точку, но и текст. Манифест.

Она повернула телефон экраном ко мне.

Я прочитал первую строку под фотографией. И похолодел.

Из манифеста Конструктора в телеграм-канале «Изнанка 2.0»:

«Вы смотрите на Елену Жарову и видите успех. Холдинг «Монолит-Сити». Новые элитные кварталы. Но вы не видите триста семей мигрантов-гастарбайтеров, которых её структуры три месяца назад выкинули из подмосковных бытовок на мороз без документов и денег после пожара в промзоне. Дело замяли. Я надел на неё маску той, которой она была на самом

деле, а не благодетели, которой она торговала. И я вернул её вам. Разрезанную пополам между вашим сытым законом и их бесправной грязью. Посмотрите в это зеркало».

Полина упивалась произведенным эффектом.

Линия этого убийства и внезапно появившегося Конструктора ломала не только наши представления о морали — она намертво заклинила шестёренки ведомственной машины. Мост через Нару был поделен между главными управлениями МВД Москвы и области ровно посередине. И сейчас на обочине, мигая синевой сквозь туман, уже притирались друг к другу служебные машины двух разных главков. Вторая группа приехала почти одновременно. Из автомобилей выходили хмурые люди в форменных куртках, и в их глазах читалась не скорбь, а привычная, шкурная злость.

По закону дело расследуется там, где преступление было окончено. А на мосту уже начинался классический, циничный торг убойных отделов.

— Слышь, Вершинин, — ко мне подошёл областной следователь, коренастый пожилой майор в заляпанных грязью берцах, сплюнул прямо на технологический стык моста. Плевок упал глухо, в бетон. — Вам тут ловить нечего. Смотри сам: Мост наш — и дело наше. Труп на стыке, значит, мы его забираем.

— Не так быстро, Петрович, — я шагнул вперёд, блокируя его у парапета. — Голова и верхняя часть на московской плите. Значит, окончено — в Москве.

— Мост наш, — Петрович не сдвинулся с места. — И труп на нашем мосту. Мы здесь первыми, мы и забираем.

— Миша, — сказал я глухо. — Скажи ему, от чего она умерла.

Миша выпрямился, вытирая перчатку о брезент.

— Предварительно — утопление. Вода в лёгких, с илом. Её топили. А уже потом вытащили и положили на мост. Смерть — в воде.

— Слышал? — Петрович повернулся к своим. — Вода. Значит, топили где-то здесь, у нас.

— Вода — предварительно Нара, — я кивнул вниз, за парапет. — Экспертиза подтвердит. А пока она не подтвердила, материалы остаются у меня. Я первый начал осмотр, я подписал протокол.

— Ты что, забрать хочешь? — Петрович повысил голос, его оперативники двинулись следом. — Тебе что, висяка мало? Или выслугу хочешь за чужой труп?

— Я хочу, чтобы дело было раскрыто, — сказал я тихо. — А не закрыто на первого попавшегося нелегала, чтобы отчитаться перед главком.

Петрович побагровел.

— Прокурор рассудит, — сказал я, не повышая голоса. — До его решения материалы остаются у меня. Сворачивайте замеры.

Взгляды всех — и оперативников, и Полины с телефоном наготове — были прикованы ко мне. Полина не опускала камеру. Она снимала всё: и спор, и то, как Петрович сплюнул на мост, и то, как его люди пятились к машинам. У неё уже был материал — не только манифест, но и то, как два главка торгуются над трупом.

Петрович посмотрел на неё, потом на меня. Сплюнул ещё раз — уже в сторону. Махнул своим. Двигатели заурчали почти одновременно. Два зверя расходились по своим территориям.

— Прокурор так прокурор, — сказал он с раздражением. — Только ты это сам и расхлёбывай, Вершинин. Когда тебя с этим Конструктором сожрут — не зови.

Он шагнул к своей машине, на секунду задержался и бросил через плечо, уже глухо, без прежней злости:

— Вы приехали на моём мосту сантиметры вымерять. Может, ещё рулеткой её поделим…

Всем было плевать на трагедию девелопера «Монолит-Сити» и на женщину, обладающую такой властью, но оказавшейся бессильной перед лицом смерти. Системе нужна была чистая отчётность. Без висяков и лишних вопросов.

Полина Смирнова впервые чувствовала себя на своём месте. Там, где она может не просто умело тасовать факты, играя в поддавки с общественным мнением, а сделать что-то реально значимое. Она уже поняла, что здесь разворачивается серьёзная рубка между ведомствами и мирами, которые раньше не пересекались. Адреналин в крови зашкаливал: она фиксировала всё сама и раньше других, чтобы первой задавать повестку. Это была не причёсанная журналистика из тёплого гнезда столичного вуза, куда Полина сбежала из своего чебоксарского детства, а настоящая документальная режиссура.

Искоса присматриваясь к следователю с мрачным лицом, она уже просчитывала подходы, чтобы втереться в доверие и нащупать его слабое место. Жизнь научила её быстро адаптироваться и находить ключик к каждому. С детства она знала, как звучит и выглядит насилие — в лице собственной матери, страдающей приступами гнева. Главное — вовремя избежать наказания. Это вошло в привычку и стало второй натурой.

Полина смотрела на меня в упор — как на замок, к которому уже подобрали отмычку. Голову пронзила резкая боль. Пульс взлетел, отдаваясь тяжёлым гулом в ушах, пока одна команда нервно суетилась с вещдоками и отпечатками, а другая забирала труп. Пахло уже не духами и не водой, а железом и бензином. Я посмотрел на свои пальцы в перчатках — на латексе отпечаталась серая дорожная пыль от перил, — потом на Полину. Её глаза не отрывались от меня — цепкие, сканирующие. Телефон наготове.

В криминалистике нет места мистике. Есть хронометраж, траектория удара и состав улик. Но здесь, на этом мосту, правила игры сломались до того, как мы успели составить первый протокол. Кто-то под маской Конструктора запустил трансляцию нашего общего шоу в прямом эфире. И мы уже внутри, в зрительном зале.

Из аудиодневника Конструктора. Запись №1. Изъята позже, при обыске. К делу не приобщена:

[Рваное дыхание. Кто-то прочистил горло.]

«Они вымеряют метры. Торгуются за плоть, словно мясники на закрывающемся рынке. Смешно. Вся их жизнь — это судорожная попытка запихнуть хаос в рамки регламента, упрятать гниль за красивыми бланками уголовного кодекса. Они думают, что если Жарова была прописана на Пресненской набережной, то её грехи не принадлежат этой подмосковной грязи. Но грязь не знает границ. Она въедается под кожу. Она уравнивает. Я расстегнул её жакет не для того, чтобы облегчить им работу. Я снял фасад. Общество так долго зажмуривалось, проезжая мимо выжженных бытовок, что мне пришлось заставить их смотреть. Ровно наполовину. Вы ведь все так любите симметрию? Вы ведь тоже цените идеальный порядок? Ну так соберите этот пазл, если сможете. Секундомер запущен, тик-так…»

Глава 2

Фасад и изнанка

08:15. Оперативная запись селекторного совещания. ОМВД по Троицкому округу г. Москвы.

Звук в видеоселекторе двоился и хрипел мелким металлическим дребезгом. В кабинете начальника отдела, полковника Короткова, стоял застарелый табачный дым, въевшийся в шторы так, что его не брала никакая химчистка. Пахло мокрой шерстью форменных курток и дешёвым растворимым кофе.

У плинтуса, сгорбившись, тёрла пол уборщица Вера — тряпкой, которой было столько же лет, сколько её стажу. Пятна не отходили. Вера тёрла их с остервенением, будто от этого зависело что-то ещё, кроме её смены.

Она слышала этот селектор столько раз, что могла бы пересказывать по памяти. «Висяки», «раскрываемость», «системе нужен покой». Слова были как пятна на полу — их можно было тереть до бесконечности, а они всё равно оставались.

У Веры была своя система. Дочь — инвалид с детства, после аварии. Каждые два года — новая комиссия, новые справки, и каждый раз как будто доказываешь перед государством, что твой ребёнок всё ещё болен. Пенсия — крохи, несмотря на московские надбавки. На жизнь не хватало, и Вера пошла в ОМВД — уборщицей. Не потому, что мечтала. Потому что здесь был пульс системы, и она хотела его слышать. Может, когда-нибудь это поможет, если она найдёт, за что зацепиться.

По стенам убого желтели обои, местами вздувшиеся от сырости. Безнадёга, запертая в четырех стенах. Пока Коротков перебирал утренние сводки, на настенном табло тускло мерцали сухие ведомственные цифры — следы затяжного кризиса. Пять лет подряд общая статистика преступности в столице формально ползла вниз, но изнутри отдел трещал по швам. Массовый уход опытных оперов на пенсию и сокращения лимитов на привлечение иностранной рабочей силы оголили пригородные стройки. Мигранты, те, кто остался без патентов, забивались в промзоны — подальше от биометрии и облав. Органы задыхались: треть всех особо тяжких дел по округу за последний квартал так и зависла в графе нераскрытых «висяков». Но главной головной болью штаба были участившиеся алармы беспилотной опасности и бесконечный режим повышенной готовности на объектах логистики. Половина личного состава сутками не вылезала из оцеплений. Системе требовался мгновенный покой, а не долгие расследования.

Полковник Коротков, грузный мужчина с багровой, вздутой шеей и тяжелыми мешками под глазами, затушил окурок о жестяную банку из-под паштета.

— Вершинин, ты мне зубы не заговаривай своими скандинавскими сериалами и манифестами из телеграма, — Коротков грохнул кулаком по столу, как всегда, когда не хотел слушать, отчего подпрыгнула чернильница. — На настенном мониторе из Главного управления уже три аларма мигают. Жарова — величина. «Монолит-Сити» кормит половину строительного сектора округа. Пресса на ушах. Телеграм-канал этой Смирновой за час набрал пятьдесят тысяч подписчиков, интернет бурлит. Мне из главка звонили, из прокуратуры. Все требуют результат. Чистый. Без этой политической гнили про замерзших мигрантов.

Я стоял у окна, глядя, как на серой парковке отдела оперативники области укладывают в багажник свои чемоданы. Спор за юрисдикцию закончился не в их пользу — до решения прокурора громкое дело осталось у меня. Шкурная злость на московских щёголей, приехав-

ших вымерять сантиметры на их мосту, осталась, и уезжали они хмурыми. Моя ладонь привычно нащупала жёсткий накрахмаленный воротник рубашки. Пуговица к пуговице. Идеальная структура.

— Данные предварительного осмотра, товарищ полковник, — я выложил на стол рваную распечатку записей Миши. — Жарову топили живьем. Резаком прошлись уже по трупу. Это показательная казнь. В промзоне Наро-Фоминска три месяца назад действительно был пожар, Жарова замяла выплаты семьям погибших таджикских бетонщиков через свои ЧОПы. У Конструктора есть мотив.

— Слышь, капитан, — с селектора раздался пронзительный свист. На связь вышел начальник Наро-Фоминского убойного отдела, тот самый Петрович. На экране его помятая физиономия казалась серой от злости. — Вы там в своей Москве совсем зажрались? Какой к чёрту Конструктор? У меня на районе в бытовках у промзоны сидят триста злых, голодных нелегалов без патентов. Жарова кинула их на бабки. Один из них взял строительный резак, проломил ей башку и бросил на мосту, чтобы нас стравить. Задержим первого попавшегося. Любой подходит. Прокурор подпишет — ему тоже висяк не нужен!

Коротков слушал и терпел:

— Они не бандиты, — сказал тихо, никому конкретно. — Они просто есть. И этого достаточно, чтобы повесить на них всё, что не раскрыто.

— Игорь Петрович, при всём уважении, давайте без спешных выводов, — сказал тихо я, даже не глядя на экран видеоселектора. — Ваш условный нелегал из бытовок не станет покупать маску из магазина праздничных товаров. И пост в телеграм с зашифрованного сервера он не выложит. Тут работает профессионал. Современный ум, который просчитывает шаги наперёд. Строительный самосвал, принадлежащий холдингу Жаровых, выехал с объекта в три ночи. Спаренные шины. Следы на мосту. Камеры по Калужскому зафиксировали проезд в окно убийства. Но их там десятки — стройки, промзоны, полигоны. Номера в туман читаются плохо.

— Иголка в стоге сена, — сказал недоверчиво Коротков.

— Сена много. Но иголка из железа. Будем разбираться по номерам. И по следам протектора — если у машины есть уникальные повреждения.

— А если нет?

— Тогда — по времени. Кто выехал с объекта «Новой Нары» в три ночи и вернулся к пяти.

Коротков тяжело вздохнул, потирая переносицу.

— Работай, Эдуард. Но если через сорок восемь часов у тебя не будет реального подозреваемого — я отдаю приказ Петровичу. Они зачистят промзону, закроют пару десятков нелегалов, и дело уйдет в архив как бытовой конфликт. Системе нужен порядок, а не твоя высшая справедливость. Время пошло.

Я уже взялся за ручку двери, когда поймал взгляд Веры. Она мыла пол у стены — тихо, как будто её здесь не было. Никто из сидевших за столом не оборачивался в её сторону. Она смотрела не на меня — на распечатку записей Миши, которую я оставил на столе Короткова. Секунду. Может, показалось. Вера отвернулась и снова принялась тереть пол.

08:50. Здание Троицкого судебно-медицинского морга. Прозекторская №3.

В прозекторской стоял удушливый, химический коктейль из концентрированного формалина, хлорки и застарелой въевшейся ржавчины от сливных решеток. Этот запах мгновенно оседал на корне языка горьким, мыльным налетом, от которого пересыхало в горле. В помещении было пронзительно холодно — вентиляция качала ледяной воздух с улицы, смешивая его со специфическим, едва уловимым сладковато-гнилостным душком мартовской воды. Белый кафель на стенах местами пошел мелкой сеткой трещин. Посреди комнаты под люминесцентными лампами, которые ровно, раздражающе гудели, стоял стол из нержавеющей стали.

Елена Жарова лежала на нём без своей ведьминской маски и шёлка. Нагая, лишенная парадного лоска, под этим хирургическим светом она казалась жёлтой и чужой.

Миша, наш стажёр, послушно стоял у стены с планшетом, на ходу вбивая пункты протокола под диктовку.

Вскрытием занимался хозяин этой прозекторской — Антон Викторович, судебно-медицинский эксперт с тридцатилетним стажем. Худой, немного иссохший, будто время и формалин вытянули из него всю влагу. Он работал в плотном клеёнчатом фартуке поверх пожелтевшего халата, и на левом рукаве этого халата темнело застарелое пятно, которое он давно перестал замечать. В руке Антон Викторович держал тяжёлый секционный нож, но пока не спешил делать первый надрез. Положив сигарету без фильтра на край эмалированного лотка, где уже лежали кольца и содранная маска Жаровой, он аккуратно повернул бледную голову убитой.

Антон Викторович коснулся пинцетом левого виска Жаровой. Под лампами обнажилась кость.

— Видишь? Вдавленный перелом чешуи височной кости с переходом на основание черепа.

Он подождал, пока Миша запишет.

— Удар колоссальной силы. В ране — микрочастицы застарелой окалины и мазута. Арматура из подворотни такого следа не оставит. Заводской засов, монтажка или тяжёлый строительный болт. Она даже испугаться не успела.

Я наклонился ниже, впитывая взглядом каждую микротрещину.

Он повернул голову Жаровой в сторону.

— Шея. Две полосы разного характера. Верхняя — широкая, бледная, без кровоизлияний. Давили ремнём или жгутом. Нижняя — узкая, багровая, с отпечатком звеньев. Цепочку стянули после смерти. Имитация.

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы пустить вас по бытовому следу.

Миша опустил глаза и сказал тихо, почти шёпотом:

— Я на мосту принял это за прижизненный след. Гематомы по краям — подумал, что давили цепочкой. В тумане не разглядел.

— Бывает, — Антон Викторович не стал развивать. — На столе каждый миллиметр виден. Но есть ещё кое-что, — он кивнул Мише. — Мишаня, покажи ему ногти.

Стажёр испуганно пискнул, приподнимая правую кисть Жаровой. Ногтевые пластины на трех пальцах были вывернуты с мясом.

— На мосту мы думали, что она скребла по бетону парапета, — Антон Викторович забрал сигарету с лотка. — Я снял подногтевое содержимое. Там нет мостовой пыли. Там строительный ил, волокна прелой рогожи и минеральная вата. Она цеплялась за стены сырого помещения. И умирала она там.

— Вода? — спросил я.

— Не Нара. Застойная техническая жижа из котлована. Щёлочь, несвязанный цемент. Её утопили в строительной яме, в жидком растворе. А потом привезли на мост и разложили.

Я почувствовал, как в висках начинает нарастать пульс. Мы делили дело и тело на основании воды Нары. А воды не было. Меня обвели на первом же шаге.

— Зачем тогда её душили, если она захлебнулась? — я зафиксировал его взгляд.

Антон Викторович выпустил плотную струю сизого дыма прямо под гудящую лампу.

— Думаю, её удерживали под водой с помощью ремня на шее. Давили сверху, пока лёгкие не забились цементной жижей из котлована. Следы говорят о том, что действовали быстро и точно. Убийца точно знал хронометраж: сколько Жарова будет хрипеть, сколько времени уйдет на доставку тела.

— Самосвал, на котором её везли, угнали с объекта «Новой Нары-Лайф» ровно в три ночи, — сказал я. — У преступника было сорок минут до первых фур на Калужском. Просчитано до секунды.

— Сорок минут, — Антон Викторович отметил. — Это не бытовуха.

Я молча кивнул, чувствуя, как горький запах формалина начинает давить на виски, выстраивая внутри моей головы четкую, леденящую траекторию этого преступления. Но главный узел этого ребуса по-прежнему оставался неразрезанным.

Из морга я вышел на крыльцо и закурил, глядя, как Миша бережно, почти с пугливой педантичностью пакует планшет в свой затёртый рюкзак. Он ещё не сломался. Пока. В нашей работе это редкость.

Миша, вопреки своей внешней робости, был чертовски талантлив. У него был редкий, кристально чистый дар аналитика, который старая убойная гвардия обычно списывала на «молодую блажь». Там, где Петрович видел только «висяк и бытовуху», Миша своим цепким взглядом умудрялся вылавливать микрочастицы цементного ила под ногтями Жаровой и замечать фальшивые витки удушения кулоном. Он мыслил шире казённых бланков УПК. И эта его избыточная, опасная внимательность в сочетании со скрытой обидой на систему, которая ежедневно ломала его через колено, заставляла меня присматриваться к парню внимательнее. В нашей игре самые тихие отличники с идеальным знанием подноготной детективов порой оказывались способны на самый изощрённый и жестокий саботаж.

Я выбросил окурок в урну и сел в машину. Нам предстоял Сити.

— Ты веди, — сказал я Мише. — Я посмотрю записи.

Он сел за руль, неловко поправил зеркало, тронулся с места плавно, как на экзамене.

— Эдуард Андреевич, а этот Конструктор…он же не просто убийца?

— А кто? — спросил я, не поворачивая головы. — Ты пытаешься найти философию у преступника?

Миша смутился, слишком быстро для человека, который просто рассуждает вслух.

— Нет. Просто…он же мог просто убить. А он устроил спектакль. Значит, ему зачем-то нужно, чтобы мы поняли.

Я не ответил. Потому что он был прав. И потому что мне не понравилось, как быстро он это сказал.

Из материалов предварительного опроса. Гражданин Колесников В. А., 52 года, безработный:

«Да какая там, к черту, спортивная рыбалка, капитан? Жрать охота, вот и вся ловля. Нара давно мертвая, её холдинги своими стоками ещё три года назад задушили. Вода маслянистая, воняет химией и тухлятиной, а карась идет мелкий, с чёрными пятнами на чешуе — мутант, а не рыба. Но деваться некуда. Пенсию по инвалидности урезали после мартовских реформ, на работу в Новой Москве после сорока пяти только дворником берут, да и там всё таджиками забито. Вот и сидишь с донкой в тумане, как сыч, надеешься ведро этой отравы надергать, чтобы соседям по дешевке сдать или самому пожарить, предварительно в соли вымочив, чтобы тухлый цементный привкус убрать. Кругом обман. По телевизору орут про импортозамещение и новые набережные, а реку в сточную канаву превратили ради своих высоток.

Я донку как раз перезакидывал у третьей опоры. Туман — глаз выколи, пахнет гарью. Вдруг сверху — глухой, тяжелый шлепок о бетон. Будто мешок с цементом с кузова сбросили. Машина какая-то большая, дизель надрывно так завыл на подъеме, шины по стыкам шлёп-шлёп — и тишина. Я фонариком вверх посветил, полез по насыпи смотреть, думал, строители опять мусорный пал сгрузили. Поднимаюсь на настил, а там она. Половина в шелку, блестит вся под диодами, а ноги голые, синие прямо в жижу областную вмяты. И харя эта зеленая, ведьминская, скалится на меня из пластика. Я удочки там и бросил. Меня чуть

наизнанку прямо на эти плиты не вывернуло. До сих пор руки трясутся, пальцы от мазута оттереть не могу...»

Вдоволь настоявшись в утренних пробках, примерно к одиннадцати мы были уже в Москва-Сити. Контраст ударил по глазам, как вспышка светошумовой гранаты. После убогой безнадёги ОМВД с его заплёванными линолеумами стерильный мир «Монолит-Сити» казался другой планетой, изолированной от земных проблем на пятидесятиметровой высоте. Место притяжения и заточения наивных душ, полагающих, что сталь и бетон станет веской опорой в их жизни. По факту все они попадали на крючок зависимости от денег. Амбиции росли, как и страдания.

Москва стремительно превращалась в сюрреалистичный замок — ослепительно красивый и абсолютно мёртвый внутри. Цены на квадратные метры давно пробили потолок здравого смысла. Люди отдавали свои жизни в залог ипотек просто за право числиться москвичами. И все делали вид, что ничего не происходит. На экраны телефонов падали экстренные СМС об угрозах прилётов. ПВО на окраинах глухо сотрясало мартовское небо. А Сити продолжал сверкать своим ледяным остеклением. Мегаполис отказывался зажмуриваться. Он просто научился не замечать опасность, маскируя липкий страх под вечную, суетливую спешку.

Вокруг гранитных стилобатов башен бурлила неуправляемая человеческая каша. Туристы с широко открытыми глазами наводили камеры смартфонов на верхушки небоскрёбов, пытаясь мимикрировать под здешнюю роскошь и хоть на минуту прикоснуться к чужому успеху. А мимо них ровными, бездушными шеренгами неслись обитатели этих сот в идеально отглаженных костюмах, с пустыми, выгоревшими глазами. Их жизнь была расписана алгоритмом. Утренний капучино. Бизнес-ланч. Вечерний кальян. Ужин с доставкой. А на утро — всё сначала. Здесь были штаб-квартиры крупнейших федеральных банков, транснациональные корпорации и миллиардные контракты, но во всём этом стерильном великолепии не было ни капли живого воздуха. Только холод и тяжесть.

Мы вошли в лифт вдвоём. Миша молчал, прижимая к груди планшет, как будто тот мог защитить его от этого места. Скоростной лифт взлетел на верхний этаж за считанные секунды, закладывая уши. Броня Сити надёжно защищала своих хозяев от подмосковной грязи и запаха формалина, но меня от этого глянца уже начинало тошнить.

На входе в офис сквозь стеклянные двери я увидел Полину. Желваки на скулах сами собой дёрнулись, а под шрамом над бровью неприятно заныло. Я медленно выдохнул, заставляя плечи опуститься и возвращая лицу привычную каменную маску.

— Черт возьми, ещё этой девицы тут не хватало, — процедил я сквозь зубы.

Похоже, эта ищейка оказалась на семьдесят втором этаже раньше моей опергруппы. Видимо, она прошла через служебный вход — может, кто-то из её источников в холдинге помог, прорвалась в приемную Жарова, карауля его пиарщиков со смартфоном наперевес. Охрана уже тянулась к рации — вызывать наряд, чтобы вышвырнуть наглую журналистку из глянцевого лобби, но Артур Жаров волевым решением приказал впустить её в стеклянный аквариум переговорной вместе с нами. Он хотел задушить медиа-пожар в зародыше, устроив Полине лобовую очную ставку под присмотром следователя Главного управления.

Артур Жаров встретил нас в огромном переговорном кабинете из матового кварца и стекла. На нём — безупречно отглаженный серый костюм, тонкие черты лица и ухоженная недельная щетина. Он сидел ровно, как на приёме у стоматолога, и его руки лежали на столе — с идеальным маникюром, без единой мозоли. Но под глазами темнели мешки, а пальцы едва заметно подрагивали. Он не убирал их со стола — наоборот, прижимал сильнее, будто боялся, что они выдадут его. Дорогой парфюм, едва уловимый, но настойчивый, как будто Жаров наносил его не для других, а для себя. Бесстрастный взгляд человека, привыкшего считать. Вот только на меня он не смотрел дольше секунды — отводил покрасневшие глаза на ноутбук, на коллегу, на что угодно. Рядом с ним стоял его генеральный директор и соратник, Виктор Пота-

пов — плотный, сорокалетний мужчина, который говорил быстро, не давая вставить слово. Он то и дело смотрел на Жарова — как будто ждал одобрения. На столе — база смартфонов, выровненных строго параллельно краю, и открытый ноутбук с графиками капитализации.

Внешний лоск Жарова не смогла пробить даже утренняя трагедия. Он сидел слишком неподвижно. Словно показывал, что всё под контролем. Но это было не так.

— Капитан Вершинин, я требую абсолютной тишины в прессе, — Жаров заговорил ровно, словно заранее подготовил речь. Его голос был лишен эмоций, как у аудиогида. — Смерть Елены — это колоссальный удар, как для меня, так и для репутации холдинга. — На слове «смерть» он запнулся. На долю секунды. Потом продолжил. — Но у нас завтра совет директоров, закрытие азиатского раунда инвестиций. А телеграм-канал этой девицы... — он цинично указал на Полину, которая стояла чуть позади меня, яростно вцепившись пальцами в ремень своего плаща, — …уничтожает капитализацию «Монолит-Сити» каждую минуту. Этот её Конструктор пишет бред про каких-то сгоревших рабочих. Наша юридическая служба проверяла объекты: все контракты чистые, ЧОПы действовали в рамках регламента. Это спланированная рейдерская атака конкурентов.

Полина сделала резкий шаг вперед, её раскосые глаза яростно блеснули в стерильном свете диодов.

— Чистые контракты? Триста семей жили в фанерных коробках без отопления на тридцатиградусном морозе! Елена Жарова лично подписывала акты приема-передачи, зная, что бетон заливают рабочие без патентов. Ваш ЧОП запер выживших в коллекторах, угрожая депортацией, если они откроют рот. Конструктор не рейдер. Он — ваш прожектор.

— Полина, назад, — жёстко оборвал я её, выставляя руку. Конфликт закипал не хуже ведомственного. Повернувшись к Жарову, я зафиксировал его взгляд: — Артур Игоревич, где вы были сегодня ночью с двух до четырех утра?

Жаров даже не успел моргнуть. Но я видел, как его пальцы на секунду сжались в кулак — и разжались. За него мгновенно ответил Потапов, сделав шаг вперед:

— Артур Игоревич находился в своём пентхаусе на Кутузовском. Умный дом фиксирует все логи перемещений, ЭЦП на утренних документах верифицирована. В три часа ночи мы согласовывали азиатский эквайринг по видеосвязи с Гонконгом. Ищите убийцу среди той грязи под мостом, капитан.

Я промолчал и продолжил фиксировать детали: Жаров держит спину слишком ровно. Взгляд отводит, глаза воспалены. Я чувствовал его страх. Было очевидно — он готовился к этому разговору. Идеальное цифровое алиби. Слишком безупречно для человека, чью жену несколько часов назад нашли расчленённой на мосту.

— Артур Игоревич, — сказал я, не глядя на Потапова. — Вы не удивились, что Елена не пришла домой?

Жаров посмотрел на меня. Впервые за весь разговор — прямо. На секунду.

— Она часто оставалась в своей квартире в Сити. — Голос ровный, но слишком ровный. — У неё был свой ритм. Я не проверял.

— Не проверяли?

— Мы жили каждый своей жизнью, капитан. Это не вопрос для протокола.

Потапов шагнул было вперёд, но Жаров поднял руку. Тот замер.

Я видел таких, как он, десятки раз. Семьдесят процентов женщин убивают мужья или сожители. Домашнее насилие — самый частый и предсказуемый мотив. Но это — статистика для протокола, а чем выше статус, тем чаще находятся исполнители для самых грязных дел. И Жаров сидел напротив меня с лицом человека, который уже просчитал всё на два хода вперёд, и боялся, что его схему раскроют.

С уходом Елены Жаров получал всё: единоличный контроль над холдингом, закрытый аудит, недвижимость на миллиарды. Детей у них не было. Мёртвая жена больше не могла зада-

вать вопросы. Не могла проверять, куда именно уходят деньги. Не могла знать, что часть азиатского раунда — не совсем то, чем кажется. Идеальный мотив, упакованный в гротескный ведьминский манифест Конструктора.

Слишком идеальный. Настолько идеальный, что им хотелось прикрыться, как щитом.

Повернувшись к Жарову, я спокойно поправил жёсткий воротничок:

— Алиби — это хорошо, Артур Игоревич. Но лог умного дома можно переписать, а видеосвязь запустить через симуляцию ИИ. Мы проверим ваши транзакции и скрытые счета компании. Из Москвы пока не уезжайте.

Жаров недовольно скривился — впервые за весь разговор.

Мы вышли из стеклянных дверей Сити в мартовскую слякоть. После фильтрованного азота и полированного кварца воздух казался густым, как вода. Полина шла чуть впереди, её тяжёлый плащ хлопал по ногам от резких порывов ветра. Я отправил Мишу к машине. У меня было ещё одно дело.

— Смирнова, стой, — я не повышал голоса, но мой тон заставил её резко затормозить прямо у края гранитного парапета, под мелкой, колючей изморосью.

Она медленно повернулась. На её смуглом лице не было ни капли покаяния — только упрямый, раскосый взгляд и тяжелый подбородок, выставленный вперед, словно она готовилась принять удар.

— Слушай меня сюда, и запоминай с первого раза, — я сделал к ней шаг, полностью блокируя её от прохода к парковке. — То, что Жаров сегодня решил поиграть в открытость и пустил тебя в аквариум, не значит, что ты стала частью моей следственной группы. Ещё один такой сольный прорыв, ещё одна попытка лезть с допросами к свидетелям в моём присутствии — и я оформлю тебя свидетелем и буду дёргать по каждому факту — допросы, очные ставки, подписка о невыезде. И твой телеграм-канал улетит в блокировку Роскомнадзора быстрее, чем твой Конструктор сообразит новый манифест. Ты меня услышала?

Полина презрительно сощурилась, и на её бледных губах проступила жесткая, злая ухмылка. Она поправила ремень своего глухого плаща.

— Вы можете сколько угодно трясти своим УПК, капитан, но Жаров боится моего смартфона сильнее, чем вашего удостоверения. Без моих инсайдов вы будете ещё три недели трясти местных гастарбайтеров в бытовках, пока Потапов выводит активы в Гонконг. Я не мешаю вам работать. Я просто не даю вам зажмуриться, как это делает весь ваш главк.

— Без самодеятельности в будущем, понятно? На этом деле правила устанавливаю я. Шаг влево — пойдешь соучастницей за сокрытие улик.— Я выдержал ледяную паузу, зная наперёд, что пугать её бесполезно: слишком знакомый огонёк горел в её глазах. — Свободна.

Она ничего не ответила. Резко развернулась на широких каблуках и стремительно растворилась в толпе, бегущей к метро.

Я залез в карман своего пальто, чтобы достать пачку сигарет, но мои пальцы наткнулись на что-то постороннее. Чужеродный предмет в идеальной структуре моих вещей. Вытащил руку. На ладони лежал плотный, герметичный прозрачный зип-пакет с номером. Внутри него, испачканный бурой, запекшейся кровью Елены Жаровой, лежал тот самый болт со следами ржавчины, удар которого проломил ей висок. Эта улика должна находиться в опечатанном сейфе у криминалистов, под тремя протоколами изъятия.

— Черт бы побрал этого Мишу. – беззвучно выругался, пока Полина удалялась в сумраке дня.

В утренней суматохе он мог сунуть болт мне, пока я подписывал бумаги у Петровича, и забыть внести его в опись. Только Миша знает протокол не хуже меня — и никогда бы не отдал улику следователю в карман, будто пачку сигарет. Значит, это кто-то ещё?

Я посмотрел на пакет ещё раз. Потом спрятал поглубже. Разберусь в управлении. Сейчас мне нужно было думать о другом. Перед глазами всплыл взгляд Веры на распечатку в кабинете Короткова.

Развернувшись, я направился к машине, где ждал Миша. Система давала сбои на каждом шагу — и мне нужно было лично удерживать её механизм от распада.

Фрагмент зашифрованной аудиозаписи на скрытом телеграм-сервере Конструктора. Запись №2:

[Абсолютная тишина, нарушаемая только едва различимым гулом вентиляции. Короткий, сухой кашель в сторону от микрофона.]

«Они называют это системой, но это просто старая, ржавая клетка. Я помню этот запах. Запах комнаты, пропитанной дешёвым сивушным перегаром, сыростью и животным, липким страхом. Когда тебе девять, мир кажется огромным и монолитным, а тяжелая, пахнущая водкой рука отца, которая опускается на твое плечо, — непререкаемой властью. Ты стоишь у стены, затаив дыхание, слушая его невнятный, хриплый мат, и твои маленькие пальцы судорожно сжимаются, пытаясь нащупать хоть какую-то опору, хоть какой-то жёсткий угол, который докажет, что ты ещё существуешь. Но тебя не видят. В этой комнате ты — пустое место, вещь, на которую можно выплеснуть скопившуюся на службе желчь. Тебя обесценивают, методично стирают ударами тяжелого кожаного ремня, ломают твою волю просто потому, что могут. Потому что у пьяной силы есть право ломать, а у тебя — только твой безмолвный, застрявший в горле крик и синяки под трикотажными колготками. Насилие, которое передается по наследству, впитывается с потом в ДНК и становится естественным продолжением дыхания. Жертва и палач меняются местами, и эта игра бесконечна.

Вся эта глянцевая Москва с её высотками из стекла — точно такой же сытый, равнодушный отец. Она выжимает из людей соки, бьет наотмашь каждого, кто слабее, строит свои элитные башни на костях, замерзших в бытовках работяг, и угодливо зажмуривается, когда они кричат от боли на дне котлованов. Но удушье нельзя замять отчётами. Борьба с этой машиной — не выбор, это необходимость. Чтобы доказать им, что мы есть, что мы чего-то стоим, нужно разбить этот фальшивый фасад. Я заставлю эту клетку треснуть».

Глава 3

Котлован

Я вернулся в машину, когда изморось начала превращать слякоть на лобовом стекле в хрустящую корку. Пальцы в перчатках подрагивали — не от холода.

— Миша, — сказал я, когда мы сели в машину. — Болт-вещдок. Ты видел, как я его брал?

Он посмотрел на меня. Потом на пакет в моей руке.

— Нет. Я думал, вы его сдали. При Петровиче. Под протокол.

— Я тоже так думал.

Пауза. Миша молчал. Потом сказал тихо:

— Эдуард Андреевич, я его не трогал. Честно.

— Знаю, — сказал я. — В суматохе я мог сам его схватить. Только я не помню, когда. — И усмехнулся, но это была невесёлая усмешка. — Либо у нас в отделе завелся полтергейст.

Откатив крышку бардачка, я сунул зип-пакет с окровавленным болтом под стопку старых бланков. Придётся объяснять Короткову, почему ключевой вещдок катался в моём кармане полдня. Может, Миша ошибся, а может, это кто-то другой. Я вспомнил, как пальто висело на стуле в кабинете Короткова, пока мы спорили о юрисдикции. Кто угодно мог пройти мимо и сунуть руку в карман. Но пока я не хотел об этом думать.

Я завёл двигатель. Пальцы на руле всё ещё подрагивали.

На лобовое стекло ложился снег тяжёлыми хлопьями. Я смотрел на серую ленту шоссе и думал о том, что вся моя жизнь — это попытка удержать руками разваливающуюся плотину.

Сто сорок два закрытых дела за пятнадцать лет. Сто сорок два раза я методично доводил хаос и разрушения до аккуратной папки с надписью «Раскрыто». Я шёл в следователи не за звёздочками. Когда вырастаешь на окраине, где бьют и пьют, остаётся два пути: стать этим хаосом или превратить свой разум в скальпель. Я выбрал скальпель.

Но хаос не уменьшался. Он мутировал, перетекая из убогих притонов Подмосковья в стеклянные соты Сити. Оказалось, что сама система не настроена лечить нарывы и предупреждать преступления — она закрывала глаза и прятала проблемы ради отчётности.

У меня не было ни жены, ни детей. Ни одного живого человека, ради которого стоило бы выключить мой перегретый процессор хотя бы на час. В моей квартире царил тот же порядок, что и в бардачке машины: ни лишней детали, ни единой вещи, которая напоминала бы, что здесь живёт человек, а не функция.

Из архива телеграм-канала «Изнанка 2.0». Удаленный пост от 14 января:

«Пожар на строительном объекте ЖК «Новая Нара-Лайф» в Наро-Фоминском районе начался в 02:40 ночи. Официальная версия МЧС, распространенная через подконтрольные холдингу СМИ, — короткое замыкание китайского теплового обогревателя в строительной бытовке №4. По бумагам девелопера «Монолит-Сити», объект находился в стадии зимней консервации, людей внутри не было. Всё это ложь. В двухъярусных деревянных коробках, запертых снаружи сотрудниками ЧОП «Щит-М», заживо сгорели одиннадцать бетонщиков из Худжанда, трое из которых — почти подростки. Их привезли в Новую Москву «в чёрную», отобрали паспорта на этапе фотоконтроля и заставили заливать фундамент на тридцатиградусном морозе. Елена Жарова лично подписала внутренний приказ об утилизации строительного мусора на месте пожара до приезда официальной следственной группы Главного управления. Трупы вывезли под завалами бетона. Налицо системное, легальное стирание людей из реальности…»

12:05. Коворкинг на Большой Серпуховской.

Полина Смирнова сидела на краешке жёсткого пластикового стула в коворкинге на Большой Серпуховской, где проводила большую часть суток. Лучше, чем возвращаться в съёмную квартиру в Алтуфьево к вечно недовольной соседке. Денег хватало только на коворкинг, бутерброды из «ВкусВилла» и метро.

Она жевала обветренный бутерброд, который уже едва напоминал курицу, и разбирала цифровые папки. Любая человеческая гниль оставляет информационный след. Значит, она обязана докопаться до первоисточника. На экране мерцали картинки: вот улыбающаяся Жарова на благотворительном вечере, а вот — обугленные остовы бытовок, подписи на контрактах, следы разложения строительной системы.

Мать из Чебоксар до сих пор не понимала, на что живёт её дочь. В её понимании честный доход — это зарплата на заводе и казённая ведомость, а не вечная неопределённость телеграма. У Полины не было ни спонсора, ни постоянного работодателя. «Изнанка 2.0» дышала на микро-донаты подписчиков, редкие гранты и платные подписки на закрытые расследования. Она не брала денег у тех, о ком писала. И этим гордилась.

Мужчины в этом ритме не задерживались. Последний ушёл три месяца назад — не выдержал режима «двадцать четыре на семь». Она была одиночкой. Но это не мешало ей делать то, что она делала.

Полина кожей чувствовала: публичный срез разлома Жаровой — её главный билет наверх. Подтверждение правильности выбранного пути.

Полина открыла пост от 14 января и перечитала его в третий раз. Одиннадцать человек. Худжанд. ЧОП «Щит-М». Бумаги о консервации. Всё сходилось — и всё упиралось в одну стену: у неё не было живого свидетеля. Только текст, который она сама же и написала три месяца назад, — и который потом удалила, потому что ей пригрозили.

Она помнила этот звонок. Мужской голос, без акцента: «У тебя красивый канал. Было бы жаль, если бы он закрылся. И ты вместе с ним». Она тогда струсила. Удалила пост. Но скопировала всё в архив — и теперь достала его.

Нужен был свидетель. Кто-то, кто был внутри. Кто-то, кто варил им обед, стирал их робы, видел, как ЧОП закрывал двери бытовок снаружи.

Полина открыла мессенджер. У неё был один контакт — женщина, которая писала ей в феврале. Анонимно. «Я там работала. Я всё видела». Полина тогда не ответила — не поверила. Теперь она написала сама: «Вы ещё в Москве? Мне нужно с вами поговорить».

Ответ пришёл через двадцать минут. Адрес. Промзона «Север». Бытовка №7.

Полина взяла куртку и вышла.

13:20. Промзона «Север».

Туман здесь был гуще — смешивался с дымом от старой свалки. Полина прошла через дыру в заборе, стараясь не шуметь. Бетонные корпуса стояли мёртвые, с пустыми глазницами окон. У седьмой бытовки её ждали.

Женщина сидела на перевёрнутом ведре, кутаясь в рваный пуховик. Лет пятидесяти, с обветренным лицом и глубокими морщинами у рта — такими, какие остаются от постоянного напряжения. Голова повязана выцветшим платком, из-под которого выбивались седые пряди. На руках — рабочие перчатки с обрезанными пальцами, и Полина заметила, что пальцы у неё в мелких трещинах и застарелых ожогах: она много лет стояла у плиты.

Рядом с ней — сумка из мешковины, из которой торчал термос и свёрток с хлебом. Она курила, стряхивая пепел в консервную банку, и смотрела на Полину так, как смотрят люди, которых слишком часто обманывали: с осторожностью и усталой надеждой.

— Вы Полина? — спросила она, не поднимаясь. Голос сухой, надломленный.

— Да. Вы писали мне в феврале.

— Писала. — Женщина затянулась. — А потом испугалась. Мне сказали, если я открою рот — меня найдут. У меня дочь в Таджикистане. Я здесь одна.

— Как вас зовут?

— Зульфия.

Полина включила запись. Собралась внутренне. Важно было ничего не упустить.

— Расскажите всё. С начала.

— С начала… — Зульфия затянулась, погасила сигарету о бетон. — С начала было так. Мой брат в Худжанде. У него сын, Далер. Двадцать два года. Он хотел в Москву — там, говорили, стройка, деньги, можно семье помогать. Вербовщик дал ему адрес, обещал работу и общежитие. Далер приехал. А через месяц позвонил мне: «Тётя, они забрали паспорт. Говорят, вернут, когда отработаешь долг».

Она помолчала.

— Я тоже приехала. Думала, найду его, заберу. А меня взяли в бригаду — поварихой. Варить кашу на триста человек. Я видела всё.

— Что именно? — тихо спросила Полина.

— Бараки. Двухъярусные, деревянные, заперты снаружи на замок. ЧОП этот с щитом. Они говорили: «Чтобы не разбежались». Кормили два раза в день — каша и хлеб. Иногда — с тушёнкой, если завезут. Зарплату не платили три месяца. Говорили: «Жарова задержала, ждите». А потом случился пожар.

Она замолчала. Полина не торопила.

— Ночь была. Мороз тридцать градусов. Я в бытовке №7, у меня там кухня. Слышу — крик. Дым. Я выскочила. А бытовка №4 уже горит. И замок снаружи. Я кричу: «Откройте, там люди!» А охранник — молодой, с рацией — говорит: «Не положено. Ждите указаний».

— Кто был охранник?

— Не знаю имени. Молодой. Русский. С татуировкой на шее — то ли крест, то ли меч. Он потом уехал.

— Что было дальше?

— Пожарные приехали через сорок минут. К тому времени уже никто не кричал. — Зульфия вытерла лицо рукавом. — А утром приехала она. Жарова. В шубе. С ней — человек в костюме, с папкой. Она сказала: «Сколько там?» Ей ответили: «Одиннадцать». Она сказала: «Убрать до приезда следственной группы. Мусор сжечь, тела вывезти под бетоном». И уехала.

— Вы слышали это сами? — Полина почувствовала, как у неё подскочил пульс. Не от страха. От азарта.

— Я стояла в двух метрах. С половником. — Зульфия посмотрела на неё. — Я не выдумываю. Я потом три ночи не спала. Я видела их лица. Пацаны. Молодые. Они мне говорили: «Тётя Зульфия, мы домой поедем, деньги заработаем».

Она достала из кармана помятую фотографию. На ней — пятеро парней в рабочей одежде, улыбаются.

— Вот они. Трое сгорели. Двое — уехали. Куда — не знаю.

Полина посмотрела на фото. Потом на неё.

— Зульфия, вы готовы повторить это под запись? С именем, с датами?

— Готова. — Она помолчала. — Только дочь мою не трогайте. Она в Таджикистане. Она ничего не знает.

Полина уже собиралась уходить, когда у забора остановился чёрный «Хайлендер». Из него вышли двое — в чёрных куртках, с нашивками. Один, лысый, с бычьей шеей, посмотрел на бытовки так, как смотрят на мусор.

— Эй, — сказал он, увидев Полину. — Ты кто?

Полина не ответила. Она уже шла к дыре в заборе — быстро, но не бегом. За спиной хрустнул гравий.

— Стой! — Лысый рванул за ней, споткнулся о бетонный обломок и матюгнулся.

Она нырнула в дыру, ободрав плечо о ржавую арматуру. За спиной матерились. Телефон в её руке всё ещё снимал.

Полина добежала до автобусной остановки и только там позволила себе выдохнуть. Волосы выбились из пучка и беспорядочно свисали. Плечо горело — арматура оставила длинную царапину. Она села на лавку, достала телефон. Запись шла. Почти пятнадцать минут голоса Зульфии.

Она прослушала её дважды. Потом открыла ноутбук — и проверила всё, что сказала Зульфия: ЧОП «Щит-М», бытовка №4, пожар 14 января. Всё сходилось. Всё было в открытых источниках — и всё было замято.

Полина посмотрела на телефон. Эдуард Вершинин. Он был единственным, кто мог это использовать. Но если она отдаст запись сейчас — он заберёт её как улику, и никто, кроме следствия, её не услышит.

Она решила нажать «отправить» только в шесть вечера.

13:30. Наро-Фоминское ОМВД.

В кабинете Петровича густо пахло крепким растворимым кофе и старым табаком. Сам Петрович сидел за столом, разложив на нём помятую карту промзоны, и сосредоточенно тыкал в неё огрызком карандаша.

— Твои москвичи мне весь район переполошили, — сказал он, не поднимая головы. — С утра — облава. Двадцать задержанных. Половина — без документов. Никто ничего не знает. Только один, молодой, всё плакал про какую-то бытовку.

— Где он? — Я скинул пальто.

— В допросной. Второй этаж. Он весь твой. — Петрович помолчал. — Всё равно от него толку ноль. Может, ты хоть что-то вытянешь.

Миша ждал меня у лестницы с планшетом.

— Эдуард Андреевич, — сказал он тихо. — Из морга. Токсикология.

Он протянул мне распечатку.

— В крови Жаровой — сертралин. Антидепрессант. Концентрация высокая, но терапевтическая. Она принимала его регулярно, не меньше месяца.

— Значит, она нервничала, — сказал я. — Не спала.

— И ещё. — Миша пролистал планшет. — В её сумке нашли флешку. Сумку вскрыли в морге, когда описывали вещи. Флешка была во внутреннем кармане, зашитом. Внутри — бухгалтерия. Три месяца. Строки, где зарплаты рабочих — нули. А рядом — суммы, которые уходили на «охрану объектов».

— То есть она знала, — я задумался.

— Знала. И вела свой учёт. — Миша помолчал. — И ещё. В ране на виске — частицы металла. И на болте из опечатанного пакета — клеймо завода. Я пробил по базе. Такая сталь шла только на объекты «Монолит-Сити». И болты, и арматура — из одной партии. Поставки — через «СтройТорг-Юг». А «СтройТорг-Юг» — это...

— ЧОП «Щит-М», — закончил я.

Миша кивнул.

Я посмотрел на карту промзоны, взятую у Петровича. Бытовка №4 — та самая, где сгорели одиннадцать. Та самая, где ЧОП «Щит-М» запирал людей снаружи.

— Петрович, — сказал я, вернувшись в кабинет. — Мне нужна бытовка №4. И люди, которые её охраняли.

Петрович поднял глаза. Желваки на его скулах дёрнулись — и застыли.

— Ты туда не суйся. Это уже не твоя территория.

— Это уже моя территория, — сказал я. — Арматура с клеймом «Монолит-Сити» . Это московский холдинг, Петрович. И дело — моё.

Петрович ничего не сказал. Только откинулся на спинку стула и хмуро кивнул на дверь.

В допросной сидел парень лет двадцати. Грязный, в куртке не по сезону. Он смотрел на меня, как на стену. Я перелистал записи разговора, которые мне уже успели передать.

— Ты работал в бытовке №4? — спросил я.

— Я ничего не знать. Я не хотеть. Мне сказать — работа. Паспорт забрать. Я не знать, что там люди.

— Кто запирал?

— Охранник. Молодой. С татуировкой на шее. Меч.

— Имя?

— Не знаю. Мы его кликали «Клинок». Он говорить: «Если кто пикнет — в бетон закатаю».

Я записал. «Клинок». Татуировка — меч. Это уже не аноним.

За последние месяцы в сводках всё чаще всплывали «бригады порядка» — полулегальные группы под лозунгами «наведения чистоты». Чаще других мелькала сеть «Русский стан». Обыватели видели в них защитников. Убойный отдел знал правду: бывшие ультрас и спортсмены, которые выбивали дань с овощебаз и использовали мигрантский кризис как рычаг для передела рынка. Для мигрантов они были третьей силой — после государства и работодателей. Одни гнали их с улиц, другие — с объектов, третьи — просто били. Триста голодных, запертых в бытовках нелегалов «Монолит-Сити» были для бригад идеальной мишенью. Ловушка сжималась с трёх сторон.

13:45. Из рапорта командира ОБ ДПС по Троицкому округу:

«…в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий в промзоне «Север» зафиксировано подозрительное перемещение группы лиц азиатской внешности. При попытке проверки документов патрульным экипажем граждане предприняли попытку бегства через недостроенный канализационный коллектор. Направлена дежурная группа убойного отдела…»

По рации, перебивая друг друга хрипом частот, оперативники области докладывали о ситуации на периферии. Я выехал туда.

Промзона встретила нас мертвыми остовами недостроенных корпусов эконом-класса. Повсюду высились серые горы строительного мусора, ржавой арматуры и замерзших мешков со старым цементом, раскисших от сырости. Фанерные бытовки стояли ровными серыми рядами — настоящие человеческие загоны за кованым забором. По сигналу оперативников области мы рванули наперерез.

Это был грязный спринт по мартовской жиже. Игорь Петрович, матерясь сквозь зубы и хрипя от одышки, бежал впереди, выхватив табельный Макаров. Рации хрипели, перебивая друг друга. Фигуры в грязных рабочих робах врассыпную бросились от самосвалов вглубь недостроя.

Один — молодой парень в разорванной куртке — скользнул в проём бетонного котлована.

— Стой, зараза, стрелять буду! — рявкнул Петрович, вскидывая ствол.

Я прыгнул следом, не думая. Ноги ушли в строительный ил по колено. Ледяная жижа хлынула в ботинки. Парень обернулся, тяжело дыша. Его раскосые глаза были расширены от дикого, животного страха. В руке хищно блеснуло лезвие — обычный строительный резак для гипсокартона.

— Брось нож, дурак! — я наотмашь перехватил его запястье, заламывая руку за спину. Парень вскрикнул и выронил резак. Тот с плеском упал в цементную кашу.

Парень обмяк мгновенно, перестав сопротивляться. Из его груди вырвался тихий, прерывистый, почти детский всхлип. Я повернул его к себе и замер. Под слоем строительной копоти и засохшей серой глины проступило совсем юное, истощенное лицо обыкновенного деревенского молодняка, которому на вид можно было дать от силы девятнадцать лет. Обычный рабо-

тяга. Такие, как он, приезжают в Москву, просто заработать на кусок хлеба. Сбежать из нищеты своего дома, чтобы в итоге оказаться запертым в бетонном загоне без паспорта, без копейки денег и с вечным страхом получить удар арматурой от налетчиков из «бригад» или дубинкой от ОМОНа во время очередной зачистки. В его раскосых, полных слез глазах не было ненависти — только первозданная тоска человека земли, которого мегаполис безжалостно превратил в невидимый строительный мусор.

Через десять минут всё было кончено. Областные опера выволокли на асфальт ещё троих перепуганных, грязных нелегалов. На нас смотрела серая, голодная безнадега. Погоня, которая должна была стать триумфом Игоря Петровича и закрыть резонансное дело за сутки, рассыпалась в прах.

Протокол допроса (выдержка):

Свидетель: *Мирзоев Далер, 22 года, уроженец г. Душанбе. Регистрация отсутствует.*

Опрос ведет: *капитан юстиции Вершинин Э. А.*

«…Да какой Конструктор, начальник? Не знаю я никакой маски! Жарова три месяца деньги не платила. Пацаны в четвёртая бытовка сгорели. ЧОП приехал, сказал: кто пикнет — в бетон закатаем. Паспорта в бочке сожгли. Мы резаки со стройки утащили — коробки фанерные резать, утеплять. Спать холодно было! Ночью уйти хотели, во Внуково на попутках. А тут ваши мигалки. Не убивали мы её. Она для нас как с другая планета была. Высоко сидит, лица не видно. Только подпись на бумаге. А мы тут…»

Петрович слушал, и лицо у него каменело. Он ждал признания, а получил мальчишку, который плакал о сгоревших пацанах и сожжённых паспортах.

— Брешет, — сказал он глухо. — Все они брешут.

— Проверим, — сказал я. — Бытовку №4, пожар, ЧОП «Щит-М». Если это правда — у нас не триста подозреваемых, а один.

— Кто?

— Тот, кто знал про пожар. Кто знал, что Жарова замяла дело. Кто решил, что она должна ответить.

Я вышел из допросной. На рабочий планшет посыпались отчеты от Миши и дежурных оперов, которых я ещё утром озадачил поиском первоисточника зеленой маски ведьмы. Парни суетились, пробивали базы оптовых поставщиков, но этот след оказался тупиковым. Вариантов было слишком много: от бесконечных безымянных продавцов на маркетплейсах до копеечных остатков тематического декора в магазинах подарков на Профсоюзной. Миша в рапорте отметил странность: Хэллоуин в России официально не признаётся, но продажи всего, что с ним связано, растут с каждым годом. Система спотыкалась на собственные грабли: всё, что пытаются запретить, вызывает ещё больший интерес.

Конструктор просчитал этот культурный код. Он купил маску обезличенно, через постамат, превратив запретный символ в клеймо для вице-президента «Монолит-Сити».

Я захлопнул папку. У этих затравленных, обнищавших людей не было ни ума, ни ресурсов, чтобы просчитать сложную географию моста, купить маску ведьмы и выкатить манифест с зашифрованного сервера. Их просто подставили под удар как удобных козлов отпущения. Петрович хотел закрыть дело. Я — найти убийцу. Это были разные вещи.

Выйдя из здания, прямо у крыльца меня догнал Петрович.

— Куда? — спросил он.

— В Историческую мечеть. На Большой Татарской.

— Ты серьёзно? — он скривился. — В мечеть? Зачем?

— Далер сказал, что после пожара их кормили и прятали. Кто-то из общины помогал. Если Конструктор вербовал кого-то из них — он мог пройти через эти руки.

Петрович прочистил горло.

— Только не говори мне, что имам — твой подозреваемый.

— Нет. Он — тот, кто знает больше, чем говорит.

Я сел в машину и поехал. Дорога до Большой Татарской заняла больше часа — по набережной, мимо Кремля, мимо очереди на Серпуховской. Чем ближе к центру, тем плотнее становился туман. Он висел над куполами, над крестами, над минаретами — и казалось, что город задыхается.

На входе в мечеть телефон завибрировал. Аудиофайл без подписи. От Смирновой Полины.

Я нажал. Женский голос, с акцентом, выдающим обрывки: «…Варить кашу на триста человек… А потом случился пожар… А утром приехала она. Жарова. В шубе… И сказала: убрать до приезда следственной группы…»

Остановил запись. Значит, Полина уже была там, на стройке, до нас. И она видела больше, чем я, была на шаг впереди меня. Упорная.

Я нажал «позвонить». Она ответила после третьего гудка.

— Что это было? Ты где? — спросил я резко.

— В безопасном месте. — Голос спокойный, но я слышал, как она дышит.

— Ты понимаешь, что это улика? Что ты её утаила? — Я пытался сохранять привычную строгость. Выходило не очень.

— Я её не утаила. Я её тебе отправила.

Она сказала «тебе». Не «вам». И это «тебе» резануло слух — не грубостью, а чем-то другим. Я не привык, чтобы со мной говорили так. Запросто. Как с равным. Как будто между нами не было ни погон, ни протоколов, ни стены из УПК.

— Ты отправила её через несколько часов после того, как сделала. Где ты была всё это время?

Пауза.

— Проверяла. Иначе ты бы сказал, что это фальшивка.

Я молчал. Она была права.

— Пришли мне полную запись, — сказал я. — И адрес, где ты. Я приеду позже.

— А если не пришлю?

— Тогда я приеду без записи.

Она помолчала. Потом сказала:

— Пришлю. Но ты мне кое-что должен. — Она сказала это нарочито грубо, внаглую. И это почему-то не разозлило.

— Что?

— Когда ты его найдёшь — я хочу первой взять у него интервью. До ваших протоколов и пресс-релизов.

— Посмотрим.

Она сказала «когда», не «если». В этом было что-то похожее на лесть. Но голос был прямой. Без подтекста.

Из аудиозаписи беседы в культурно-просветительском центре при Исторической мечети на Большой Татарской. Ильдар-хазрат, 45 лет.

Ильдар-хазрат сидел на низком диване. На столе — чай, который он не пил.

— Они боятся нас, Эдуард, — сказал он. — Когда видят двести тысяч человек на коленях вокруг Соборной мечети. Вся эта сытая Москва смотрит из окон своих БМВ и видит угрозу.

— Сколько мусульман в городе?

— По неофициальным данным — почти три миллиона. А официальных мечетей — пять. Пять на три миллиона.

Он помолчал.

— Но они не видят главного. Эти толпы на асфальте — не армия. Это испуганные, изломанные люди. Мегаполис сжирает их, отбирает паспорта, лишает имён на стройках Жаровых.

И они идут к нам. Каждый день — сотни мальчишек. Заблудшие, голодные души. И мы держим их. Собираем копейки на лекарства их матерям, кормим пловом, находим работу. И вбиваем в головы одну мысль: ислам — это не ярость и не резаки в котлованах. Это терпение и чистота.

— Вы думаете, Конструктор — один из них?

— Я думаю, — сказал он тихо, — он один из тех, кто видел слишком много. И не нашёл другого способа.

— Вы знаете кого-то из бригад «Русского стана»? — спросил я.

Ильдар помолчал.

— Знаю. Они приходили к нам в феврале. Требовали, чтобы мы «сдали» нелегалов. Мы отказали. — Он посмотрел на меня. — У них есть человек. Молодой, с татуировкой на шее. Меч. Они зовут его «Клинок». Он был на пожаре.

— Откуда вы знаете?

— Один из моих мальчишек видел его. Он пришёл к нам после пожара. Сказал: «Он смотрел, как они горят, и улыбался».

Я хмуро поднялся и набрал Мишу-стажёра.

— Миша, — сказал я. — Пробей по базе всех, у кого татуировка меча на шее. И проверь ЧОП «Щит-М» — кто у них работал в январе. Мне нужен этот Клинок.

— Сделаю, — сказал Миша. — Но это займёт время.

— Время у нас есть. Пока.

Я вышел на крыльцо мечети, застёгивая пальто. В моих ушах резким контрастом застучал тяжелый шум города. Я кожей чувствовал, что это не конец: пока мы топчемся с мигрантами, Конструктор уже выстраивает следующий план. И этот план будет таким, что его услышат все.

20:10. Пресненская набережная. Медиафасад башни «Федерация».

На гигантском информационном щите «Монолит-Сити» вспыхнула и поползла холодная неоновая строка: «Выражаем глубокие соболезнования в связи с трагическим уходом вице-президента холдинга Елены Андреевны Жаровой…» Белые буквы методично бежали по стеклянному фасаду, растворяясь в дымке, но столице не было до них никакого дела. И тут строка соболезнований дёрнулась. На секунду — меньше секунды — по фасаду прошла другая надпись, белым по чёрному: «Следующий — тот, кто врёт».

И исчезла.

Я сидел в машине и смотрел на экран телефона. Кто-то уже выложил в сеть эту строку — снял на камеру, замедлил на последней фразе. Город продолжал жить. Но я знал: это было предупреждение. И оно адресовано не Жарову. Надпись на фасаде — «Следующий — тот, кто врёт» — не давала покоя. Кто в этом городе врёт громче всех? Кто продаёт правду за деньги?

Я достал телефон и набрал номер.

— Миша. Пробей мне Тегова. Ведущего. Того, что делал выпуск про экологию. Он ещё в эфире?

— Работает. В прайм-тайм у него новостной блок.

— Дай мне его адрес. И проверь, не было ли у него конфликтов с «Монолит-Сити».

— Думаешь, следующий — он?

— Я думаю, — сказал я, — Нам не случайно показали эту надпись. Он уже выбрал.

Телефон опять спешно завибрировал — Полина. Адрес: Большая Серпуховская, коворкинг. И следом — файл. Полная запись. Больше пятнадцати минут.

Я не стал слушать её в машине. Я и так знал, что там. Просто сохранил файл и поехал — сначала в управление, отписать рапорт и проверить данные по Тегову. К одиннадцати вечера я был у коворкинга.

23:40. Коворкинг на Большой Серпуховской.

Она сидела у окна с чашкой чая, который уже остыл. Плечо перевязано — край бинта выглядывал из-под расстёгнутой куртки. Без косметики, без лоска. Тёмные раскосые глаза,

смуглая кожа, тяжёлый подбородок и светлые волосы, туго стянутые в хвост — лицо, которое не назовёшь красивым по столичным меркам, но которое запоминается. Что-то в нём было от Волги — древнее и упрямое. Нечего скрывать. И она не скрывала.

Я подошёл не сразу — сначала взял себе горячий кофе. Пока его готовили, достал свою папку и записи, чтобы навести порядок и бегло пересмотреть. Только после этого, предварительно выстроив ровный полукруг из стульев, сел за стол. Чашка жгла руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.